

[00:00:00] [Начало записи]

Марианна Кудина: И я с корабля на бал, потому что как раз выступала с пленарным докладом на конференции в Санкт-Петербурге. В понедельник там начался большой экономический конгресс. И поскольку меня туда пригласили, я подала заявку, я была удивлена, что меня поставили в первую пленарную дискуссию, потому что формат питерского экономического конгресса... Видите, специально привезла вам показать. «Форсайты России, новое индустриальное общество, перезагрузка». Я удивилась, потому что у меня доклад был назван «Российская модель экономики знаний. Инновационные преобразования». Поставили в первую, самую главную пленарную конференцию. Была удивлена, потому что там все про реиндустриализацию, и я вроде там единственная. Мало того, что единственная женщина, еще и единственная с докладом по экономике знаний. Видимо, так сложилось. Там очень много было иностранных гостей. И судя по дискуссии, которая разворачивалась по ходу выступлений, докладов, эта тема действительно очень всех интересует, несмотря на то, что по образованию была отдельная пленарная конференция, была отдельная секция. Сейчас буквально два слова под впечатлением скажу, почему.

Формат этого конгресса в Санкт-Петербурге был очень серьезный. Вы, наверное, слышали здесь, видели с утра, как много прессы, сколько внимания. Поверьте, там тоже было столпотворение. Это не только здесь. Там тоже все это было очень громко.

Организатором там выступало Вольное экономическое общество. Наверное, вы все знаете. Общий формат, настрой конференции... Началось все с того, что срочно нужно проводить реиндустриализацию. Даже был такой посыл в одном из первых докладов, что информатизация экономики, и человеческий капитал – это все здорово, но нам нужно срочно модернизировать экономику. Перераспределение капитала в пользу тяжелого машиностроения. Кто-то говорил, что надо делать точки роста по тем направлениям, где у нас может быть реальный рост: космическая промышленность, другие отрасли, где мы можем быть в лидерах. Но общий контекст заключался в том, что нам нужно изымать, отнимать у банков деньги и срочно вкладывать в промышленность. Народ загорелся, все стали обсуждать.

И тут выхожу я и говорю: «Все это здорово, конечно. Вопрос заключается в том, кто будет это делать». Если мы немножечко начнем углубляться в проблему, что происходит сейчас с технологиями, с какой скоростью эти технологии развиваются... Я спросила коллег. Я говорю: «Мы все время говорим: экономика знаний, информационная экономика, цифровая экономика, когнитивная экономика. А кто-нибудь вдумывается в смысл этих

слов?»). Не поверите, у нас с главным выступающим, с президентом Вольного экономического общества, возник вопрос: информация – это что? Это уникальный товар или это особый ресурс? Как вообще можно классифицировать это? Когда мы уже с коллегами обсуждали после первого пленарного заседания...

Действительно, та скорость, с какой информация сейчас проникает в наше общество, невероятна. Наши дети, наши студенты имеют доступ к любой информации, бесконечному количеству. Но вопрос заключается в том, какую информацию они возьмут, и что они с ней будут делать. Ведь вопрос даже не в том, что мы говорим об экономике знаний. Даже информация еще не является тем самым ресурсом. Информация должна быть обработана, проанализирована. Она должна превратиться в знание (причем знание может быть применено или не применено, во благо человека или не во благо), а уже потом превращаться в капитал, который будет куда-то внедрен, во что-то воплощен.

(00:05:11)

Только тогда может быть создана технология, которая будет внедрена в производство. Чтобы произошло это внедрение, как минимум нужно, чтобы были специалисты, которые разбираются в этом производстве. Как мы с вами понимаем, самый сложный процесс – это трансформация идей в продукт, а затем получение коммерческого эффекта. На каждом этапе нам нужны специалисты. Если мы говорим о человеческом капитале, то нужны специалисты как минимум по этим направлениям. Те, кто будет рождать эти идеи. Для них нужно создавать условия. Они собирают информацию, они превращают ее в знание. Потом это превращается в опыт, который уходит и превращается в неявное знание. И только потом может быть какое-то воплощение.

Следующий этап, когда эта созданная технология обрабатывается и превращается в продукт. Дальше этот продукт либо принимает экономика, либо не принимает. Это следующий этап. Получается, еще одна глобальная задача – это чтобы появились люди, которые могли бы соединить эти процессы.

Вопросов, которые, оказывается, связаны с экономикой знаний, начиная от самого категориального аппарата... Что это такое, о чем мы говорим: об информации, знаниях, познании как процессе? Умение поймать эту информацию, обработать, найти ту, которая нужна, отобрать правильную или неправильную, ложную от истинной, затем ее воплотить. Да, я уже повторяюсь. Затем это превратить, реализовать, чтобы получилась технология. Потом внедрить ее в производство, чтобы на основании этого можно было поднимать и индустриальный сектор. Кто-то должен этими проблемами управлять. Вопрос

коммерциализации знаний. И в этой области нам нужны специалисты. Получается, что в тематике «экономика знаний» концентрируются все основные проблемы.

Сегодня мы назвали наш круглый стол «Социально-экономическое образование в современной экономике». И невольно столкнулись с тем, что здесь же возникает вопрос кадров, воспитания кадров на уровне компаний, на уровне предприятий. Потому что сегодня выживают только саморазвивающиеся организации. Обучение в процессе знания. Сейчас тоже модный термин – «learning by doing». Наверное, поэтому многие из вас представили свои доклады именно о создании этого креативного класса на уровне компаний, на уровне повышения эффективности бизнеса в инновационном секторе. Мы можем говорить и об инновационных компаниях, и о традиционных компаниях, которые без этого не выживут.

Естественна другая проблема: проблема предпринимательского университета и создания этих центров идей на уровне университетов, вузов, на уровне научно-исследовательских институтов, то есть научного сообщества. Наша с вами функция как преподавателей – найти молодых людей, которые способны эти идеи рождать, воспринимать. И здесь мы с вами фактически должны организовать свой институт этих инновационных управляющих, которые будут руководить этим процессом, которые смогут провести эту цепочку.

Вы, наверное, слышали по сегодняшним утренним выступлениям, мы сказали о трех сторонах: бизнес, университет, если говорить глобально о субъекте, и государство. Без чего в этой триаде мы не можем обойтись? Конечно, связать интересы этого научного сообщества, бизнеса, национальные интересы страны. Вопрос стоит так, что у нас... Наш московский форум называется тоже «Мировая экономика и место России». Какое здесь положение занимает Россия, где мы можем найти ресурсы, чтобы не остаться позади мирового развития?

Хотя на нашей пленарке было очень много иностранных гостей, и каждый выходил со своей проблемой: из Австрии, из Франции, из Эстонии, из Греции, из Белоруссии. Из Германии, само собой, у нас тоже есть гости, которые приехали.

(00:10:02)

Каждый о своих проблемах, а в результате у всех одинаковые: где найти кадры, для того чтобы эти все процессы, о которых уже мир понял, что они созрели... Как их воспитать? И тут, наверное, без государства не обойтись. Помимо того, что, конечно, должна создаваться среда для бизнеса, делать шаги, для того чтобы бизнес был заинтересован в том, чтобы действительно проводить эти инновации.

Например, Аганбегян выступил с предложением. Наверное, вы знаете, сейчас тоже достаточно большой спор, я бы даже сказала, скандал произошел между Ассоциацией российских банков и «Альфа-Банком». Центробанк у нас отнимает лицензии, банкиры сопротивляются этому процессу. Предложение было такое: не отнимать лицензии, потому что это тоже один из возможных источников бизнеса, который нельзя перекрывать. Но главный упор, конечно, на инвестиционный кредит. Любые средства, которые идут на инновационные инвестиции, освобождать от налогов, чтобы это было целенаправленно. Тогда есть какая-то возможность стимулировать бизнес. Помимо того, что делают руководители компаний на местах. Конечно, в этом смысле задача государства – создать такую среду, чтобы бизнесу было эффективно внедрять эти новые технологии и так организовывать процесс управления в компании, чтобы эти самые молодые люди работали там и имели стимул к развитию своих идей.

Что касается того, как государство может и должно заинтересовать университеты глобально. Я хочу еще раз подчеркнуть, под словом «университеты» понимается все научное сообщество. Это не только МГУ и Санкт-Петербургский университет. Это все вузы, и ведущие, и не очень, это научно-исследовательские организации, это, в конце концов, и Академия наук тоже. Вообще те люди, которые занимаются только наукой. Конечно, для них тоже должны быть условия, чтобы был стимул взаимодействовать с другими субъектами.

Та тема, которая касается и интересует многих из вас – это вопросы образования. Без изменения подходов к образованию вообще, как к системе, невозможно... Ровно потому, что сейчас другие дети. Другие дети в школе, как я уже сказала, другие студенты. Вы это чувствуете. Поделюсь секретом. Мои внуки не хотят со мной играть в простые шахматы. Они мне говорят: «Давай играть в Кингчесс, давай играть в шахматы Фишера». Я теряюсь, честно, потому что они настолько другие. Они даже не похожи на наших студентов, на наших детей. У них такой объем информации, они так много могут. Они приходят и спрашивают: «А это так? А это не так?». Мой девятилетний внук меня спросил перед моим отъездом в Питер: «Почему так трудно в России бизнесу?». И мы пытались объяснить, почему трудно. Просто потому, что нет условий. Нет той среды, которая позволила бы и бизнесу развиваться, а главное, вот этой взаимоувязке между университетами, бизнесом и государству.

Опять же, вы уж простите, у меня так доклад называется, который я готовила для вас. Я не буду. Я вижу много желающих. Я не буду больше занимать ваше время. Кстати, в Питере

очень строго: 5-7 минут докладчику и все. Даже на полуслове. Видимо, нам тоже придется. Готовьтесь к очень короткому выступлению.

Так вот, начинать надо действительно с образования. Причем здесь есть представители и социально-гуманитарного образования. Очень много вопросов. Вы знаете, что декан нашего факультета является председателем комитета по образованию. Чуть-чуть такую интригу скажу. Что касается экономического образования. То, что у нас сейчас дети уже с шестого класса начинают проходить основы экономики – это здорово. Но самое непростое – это политическое... Не знаю, как правильно.

Женщина: Политико-экономическое.

Марианна Кудина: Да. Даже не экономическое, а именно с точки зрения политологии.

(00:15:03)

Очень интересный момент. Дело в том, что те технологии, которые мы с вами разрабатывали как экономисты (я имею в виду даже просто маркетинговые технологии), с удовольствием взяли на вооружение политологи. И рассматривают любую аудиторию, а тем более подрастающее поколение, как мы говорили своим: как потенциального потребителя со всеми психологическими методами воздействия, со всеми... Видите, меня уже останавливают.

Уважаемые коллеги! Хотела сказать, что вопросов очень много, вопросы очень интересные. Мы пытались как-то это систематизировать и решили, что на нашем круглом столе три основных направления. Это вопросы, связанные с образованием, экономикой знаний, вопросы, связанные с эффективностью бизнеса и заинтересованностью бизнеса в инновационном развитии, и региональные проблемы развития инновационных процессов. Наверное, каждый уже знает, где его роль.

Я всегда говорю, что поколение, которое идет за нами, рядом с нами – только они смогут внедрять эти инновации. У нас тоже некая инновационная составляющая. Сейчас мое место займет наш молодой преподаватель, который очень открыт инновационным идеям. Место модератора, второго модератора, теперь уже будет главным, сейчас займет Воронов Александр Сергеевич. Он у нас теперь стал руководителем Центра инновационного проектирования. Я считаю, что таким образом мы наши идеи воплощаем в жизнь. Александр Сергеевич, пожалуйста. Вы с ним контактировали по поводу своих выступлений, он составлял программу, кто за кем будет выступать. Пожалуйста.

Александр Воронов: Добрый день, уважаемые коллеги! Рад приветствовать вас на нашем мероприятии, конференции № 12, которая посвящена стратегии формирования экономики знаний и инноваций в России. Как уже было сказано ранее руководителем секции Кудиной Марианной Валерьевной, в рамках мероприятия предусмотрено три направления. Коротко обозначу тематики.

Первое направление дискуссии предполагает обсуждение вопросов по актуальным проблемам социально-гуманитарного образования как основы развития экономики знаний.

Второе направление – совершенствование государственной политики в сфере образования и формирования национальной инновационной системы.

Следующий вопрос, который предполагается рассмотреть в рамках нашего круглого стола – это переход на новое качество экономического роста путем формирования современной системы социально-гуманитарного образования, совершенствование обществоведческой подготовки в системе общего образования и долгосрочного планирования и внедрения инноваций в сферу образования как базы модернизации реального сектора экономики.

В рамках второго направления дискуссии (оно будет посвящено обсуждению национальных и региональных проблем устойчивого развития) в первую очередь рассмотрим место западных санкций как провокативного фактора ускорения инновационного развития России, изменение инновационной направленности стратегического развития России под влиянием информационных технологий, возможность использования информационных технологий как базы для дебюрократизации управленческих процессов, учет кросс-культурных ресурсов инновационного развития регионов России, формирование синергического эффекта за счет использования интеллектуальных ресурсов и инновационная трансформация региональных социально-экономических систем на основе проактивного подхода.

Заключительное, третье направление нашего мероприятия будет связано с выявлением роли центров коммерциализации технологий в инновационном развитии отечественной экономики, особенностями создания эффективной национальной инновационной системы, определением мировых тенденций научно-технологического развития и опыта построения инновационных систем и определением места организационно-управленческих инноваций при коммерциализации бизнес-идей.

Уважаемые коллеги! Обращаю ваше внимание на то, что регламент очень ограничивает нас по времени. Время выступления, доклада – 8-10 минут с учетом ответов на вопросы.

Предлагаю перейти к первому докладу. Предлагается выступить профессору кафедры экономики Института управлений бизнеса и технологий, город Калуга, доктору экономических наук, доценту, действительному члену (академику) РАЕ Круглову Владимиру Николаевичу. Тема доклада – «Инструменты административного ресурса как системообразующий фактор экономики знаний в России». Пожалуйста, Владимир Николаевич.

(00:20:08)

Владимир Круглов: Уважаемые коллеги! Когда я готовил доклад по данной теме, мне вспомнилась одна история, которая произошла в Бостонском зоопарке Соединенных Штатов Америки несколько лет тому назад. В этот зоопарк привезли нового молодого, здорового тигра. Но вольер не был готов. И для начала для него изготовили клетку 3 на 4 метра. Через год вольер достроили. Тигра выпустили из клетки. Как вы думаете, он стал бегать по всей территории? Нет. Он продолжал ходить 3 на 4 метра, 3 на 4 метра, потому что тигр в своем мозгу уже выстроил эту клетку. Этот случай очень напоминает мне сейчас управление нашей системой образования, без которого инновационную экономику мы создать просто-напросто не можем.

С одной стороны, всем очевидно, что надо, во-первых, брать все самое лучшее и идти дальше, что надо сохранять все прежнее. Но совершенно забыли о том, что советская школа... 87% вузов котируются во всем мире. Я не беру врачей, юристов. Но это было однозначно. Сейчас если мы посмотрим рейтинги наших вузов, МГУ, естественно, входит в топ-рейтинг 40 ведущих вузов. Но как отдельный университет я не могу его рассматривать, потому что ректор с правами министра, и система факультетов, каждый из которых представляет вуз.

После анализа могу прийти к выводу, что ни российские ученые, ни российские вузы просто не могут конкурировать с нашими зарубежными коллегами на уровне их показателей, потому что внутренние показатели зарубежных вузов, прежде всего, приняты для внутреннего потребления, просто для какого-то отбора. И я еще не слышал в тех же Соединенных Штатах Америки ни одного примера, когда на базе составленных рейтингов закрыли какой-нибудь из вузов. В отличие от Российской Федерации, где до сих пор Министерство образования и науки вело очень активную политику, и по формальным признакам было закрыто очень много вузов, которые имели десятилетние бренды, которые имели прекрасные кафедры, прекрасные кадры и все остальное.

В данном плане можно вспомнить то, что всегда говорилось: наша производительность труда, наша отдача. В Соединенных Штатах Америки она в 3,6 раза выше. Это в абсолютном

исчислении. Но если мы посмотрим производительность труда, в том числе и в инновационной сфере образования, на 100 вложенных долларов, то, извините, картина становится с головы на ноги. В России-то она в обратном порядке выше. У нас многие направления, в том числе и системообразующие, такие как наука, инновационная наука, в должной степени не мотивируются. Многие мои коллеги, наверное, помнят еще те времена, когда профессор шел преподавать, его сопровождал лаборант, ассистент, было 2 пары, от силы 4, в неделю. И выступление профессора – это было... Я сам заканчивал в свое время МГУ. Знаете, мы что в Большой театр ходили, что ходили на лекции определенной профессуры.

Сегодня, когда у профессора не только не один вуз, а три или четыре... Я Москву не беру. Москва – не показатель. Москва – это средняя статистическая величина, которая говорит о... Раньше говорили: город коммунистического будущего. Сейчас: город неограниченных финансовых возможностей. На периферии, которую я представляю (не только за свою область говорю), картина несколько иная.

Вот вам конкретные примеры. На форуме Калужской области, в которой я работаю, министр сельского хозяйства докладывает с энтузиазмом губернатору, что заключили с Брянской областью, с сельхозинститутом договор о приглашении специалистов.

(00:25:06)

Министр образования докладывает, что пригласили из Рязанской области специалистов. В Калужской области есть свой пединститут, и есть сельскохозяйственный. За последние более чем 12 лет единицы из этих институтов работают по профилю на базе региона.

Кстати, приглашенные 18 человек из педсостава Рязани, которые приехали в прошлом году, проработав один месяц и получив зарплату, уехали восвояси. Вот вам просто маленькие штрихи реальных показателей.

Понятно, что нам дают стандарты Болонского соглашения. Да, необходимо интегрироваться в международную среду. Но интегрироваться какой-то частью. Нельзя отбрасывать накопленное. Нельзя забывать все самое лучшее. Возьмите Силиконовую долину. Там, в Соединенных Штатах Америки, 80% с лишним говорят по-русски. Не потому, что они любят этот язык, а потому, что они или выходцы, или наши студенты. Откуда сейчас идет набор в эти центры? Из Индии, из Китая, где система образования свою классическую основу не потеряла.

Другими словами, если мы говорим о триединой схеме создания: государство, предприниматель и вуз... Сделать модель, адекватную тем задачам, которые ставит

общество. В данном плане сейчас большая работа идет в России на уровне создания корпоративных университетов, которые тоже в мировой системе не новы. Кеттеринг, университет General Motors, Университет гамбургера McDonald's. Они еще в середине прошлого века действовали. У нас сейчас «Северсталь», «Билайн». Я участвовал в создании корпоративного университета «Сбербанка». Громадные деньги. Ни один из этих корпоративных университетов не является самокупаемым. 60-70% всех усилий сводится на подготовку специалистов начального и среднего звена. Я считаю, что это может быть одним из направлений больших каких-то монстров, гигантов, но в целом телега ставится впереди лошади, и таким образом инновационной сделать экономику невозможно.

Все мы, без сомнения, придерживаемся в значительной степени теории Кейнса, что государственное управление всегда должно присутствовать в том или ином уровне, даже при любом уровне рыночного хозяйства. Без этого трудно создать определенные векторы.

Но государство должно стимулировать, а не осуществлять глобальный контроль, применяя неадаптированные европейские схемы к российской действительности. Когда мы принимаем любое экономическое решение, всегда есть пилотные проекты, которые апробируются на небольших конкретных направлениях. Затем на основе контент-анализа делаются следующие выводы, дорабатывается и пробуются внедрение опять на небольшой части.

У нас система высшего образования стала областью непрерывного эксперимента. Тут как в тех стихах, которые многие, наверное, помнят: «Есть у революции начало, нет у революции конца». Но все-таки для продуктивного развития необходимо помнить, что эволюция дает много, а революция позволяет до основания все разрушить и начать все с начала.

Я верю и в наш российский кадровый состав, и в наш потенциал, и в наши возможности. Но хотелось бы как минимум, чтобы государство не мешало тем людям, которые делают свое дело. Если вкратце, чтобы не задерживать, такая моя концепция. Спасибо большое за внимание.

Александр Воронов: Спасибо, Владимир Николаевич.

(00:30:02)

Предлагается выступить Ковалчиковой Марине Викторовне, заведующей маркетинговым отделением по России и Восточной Европе инновационного холдинга Технолог Гамбург, Германия. Тема доклада «Эффективность бизнеса в трансформации инновационной технологии».

Марина Ковалчикова: Спасибо за это приглашение. Слушая первый доклад, я бы хотела высказать следующее. Подготовив свою презентацию, быть может, я не те пункты поставила во главу темы. Я считаю, что самое главное, что необходимо для развития инновационных технологий – это изменение отношения общества к этим инновационным технологиям. Если у нас до сих пор будут коммерсанты, финансисты самыми уважаемыми людьми, то мы с этим подходом ничего не изменим, сколько бы миллиардов мы туда ни давали. Я тоже из советского времени, и хотела вам высказать короткую ремарочку.

Помните, как мы жили, и нас стены были заполнены книгами, и как мы все гордились. И у кого не было книг, все смотрели с сомнением: «Что это за человек?». А теперь у меня у самой уже нет книг, не буду скрывать, и это радикальное изменение лежит в основе того, что наши внуки не знают, почему нельзя вести бизнес. Но они не знают, кто такой Толстой, кто такого Лермонтов. Точно также в Германии не знают Гете: «Кто это такой? Мы его не знаем, никогда не слышали». Мне кажется, это и является основой того, что началась в большом масштабном объеме деиндустриализация общества».

Теперь я бы коротко разрешила себе рассказать о наших проектах, потому как времени мало, и, может быть, вам будет интересно.

Я веду два проекта, и ведут его по тема «Learning by doing». Первый проект – это применение газа на судовом транспорте, который для России как для самого большого экспортера газа в мире, является очень интересным. И нам казалось со стороны, имея технологии, имея кадры, мы, придя в Россию, предложив сразу же, наполнив всех энтузиазмом, и все мы тут начнем осуществлять эти технологии.

Но есть несколько пунктов. Во-первых, слабость технологии СПГ. Требуются годы, а годы в объеме 20-30 лет. К сожалению, сейчас все инновационные технологии имеют очень короткий цикл – три-четыре-пять лет. 10 лет – уже кажется: «Нет...». Если ты напишешь в программе 10 лет, то сразу автоматически выкидывается и даже не рассматривается. Это фундаментальная технология, и для России это одно из направлений ее будущего, тем более что огромное изобилие водных трасс, свои запасы газа.

Ведь применение технологии газа может не стать одним из макропроектов, как «Транссибирская магистраль» в новом виде, но одним из средних проектов, где, во-первых, береговая структура, во-вторых, перерабатывающие мощности, в-третьих, оборудование, которое изготавливается на суда.

А теперь мы перейдем к теме человеческого фактора. Тот член экипажа, который плавает на судне, применяющем газ в качестве топлива, он ведь тоже получает определенные

знания. Знания, получаемые им, настолько радикально отличаются от того, чем он занимается сейчас на судне, где все, в принципе, урегулировано, что, мне кажется, это дает ему толчок, он начинает сам думать о новых технологиях, новых способах. И этот отход от традиционного к инновационному – это более всего человеческий фактор, по крайней мере мне так кажется. И, конечно же, выращиваются проектировочные мощности при применении технологий, персонал для береговой инфраструктуры. Если так посмотреть, то это может быть очень-очень интересным проектом.

Теперь я перейду к маленькому проекту – проекту применения композитных технологий. Композитные материалы применяются теперь у нас везде. В прошлый раз, я видела, нам устанавливали на башне купол из композитных материалов, уменьшение веса, стоимости. К сожалению, природные ресурсы не до конца не без конца и не без края, есть где-то определенная граница. И композитные материалы являются ответом будущего, которое в России очень-очень эффективно применяется. Здесь подготавливается опытный участок в Ленинградской области. Для этого мы подготавливаем российских специалистов, но которые уже имеют машиностроительное образование. Без машиностроительного образования в этот проект войти нельзя. Я сидела и думала: ведь если инженер-машиностроитель, причем со знанием программирования, со знанием материаловедения, где мы таких пять специалистов найдем? До сих пор мы еще не нашли. Если вы знаете – скажите, я вам с удовольствием дам свою визитку. Мы возьмем, обучим и отправим этого специалиста обратно в Россию, потому как это наше будущее.

Я постаралась представить на практике learning by doing.

Юлия Сизова: Здравствуйте, уважаемые коллеги. Я сегодня представляю Российский экономический университет им. Плеханова. Я являюсь аспирантом кафедры предпринимательства и логистики. Мой вопрос, связанный с экономикой знаний, с образованием будущих специалистов и так далее, не может не затрагивать предпринимательскую культуру. Мы все говорим о том, что у нас недостаточно развита предпринимательская культура, многие исследователи приводят разнообразные факты. Мы говорим также о поддержке малых и средних предприятий, о поддержке бизнеса. Утверждаем, что малые и средние предприятия имеют большую роль в формировании ВВП.

В рамках моего диссертационного исследования отмечается факт, что институциональная среда все больше декларирует степень своей поддержки малым и средним предпринимателям, но она не оказывается в той мере, в которой должна, с учетом быстрого изменения среды. Поток информации большой, скорость изменения очень

большая. Институциональная среда не успевает реагировать на потребности предпринимателей. Здесь в моем понимании сказывается как недостаток предпринимательской культуры, уровня развитости культуры институциональной среды, так и недостаточный уровень знаний о том, что же все-таки происходит в малом и среднем бизнесе. Существует много концепций об этапах жизненного цикла организаций. Не буду на них на всех останавливаться. За основу я брала Грейнера и Адизеса. По Ицхаку Адизесу любая компания – я беру малый и средний бизнес, не имеет значение, инновационный или нет – проходит определенные стадии роста. Он сравнивает компанию с живым организмом. У нас есть стадия рождения, у нас есть стадия развития, стадия зрелости, спада и распада. В статье, которая была написана в рамках этой конференции, я рассматривала проявление предпринимательской культуры на каждом из этапов развития малого и среднего предприятия или субъекта хозяйственной деятельности. Такая этапизация в России непопулярна, и институциональная поддержка оказывается как-то в общем, или декларируется. Но мало кто знает, что на стадии рождения малому предприятию нужно это и это. Кто из институтов поддержки может ответить на этот вопрос, кто с этой точки зрения может ответить?

Моя идея заключается в том, что если мы видим результат, что развитие бизнеса идет, что малые и средние предприятия развиваются, работают, приносят определенный прирост в валовый национальный доход, то институциональная среда работает эффективно, институты поддержки тоже. Но если мы видим, что этого не происходит, что идет либо спад, либо стагнация, то институты поддержки неэффективны. Если бы институциональная среда рассматривала поддержку предприятий с точки зрения их жизненных циклов, то можно было бы разработать такие инструменты, которые бы действительно работали.

Александр Воронов: Предлагаю выступить Норкину Кемеру Борисовичу, доктору технических наук, профессору, заведующему лабораторией Института проблем управления РАНХиГС. Тема «Эффективное стимулирование перехода России к экономике знаний – самая актуальная задача российского научного сообщества и важнейшая миссия РАН».

[00:43:20]

Кемер Норкин: То, что я сейчас буду вам рассказывать – это плод 40-летней работы. Первые шаги в этом направлении мы сделали с Косыгиным. Он пришел к нам в Институт проблем управления – я там работаю, – и просил Трапезникова, директора: «Скажите, какой процент нужно отдавать человеку создаваемой им добавленной стоимости, чтобы он активно был заинтересован в этой системе». И Трапезников вызвал меня: «Ты все это умеешь делать. Разберись». Тогда я не занимался никакой экономикой, но провел простой

опрос. Он состоял в том, что я каждого человека спросил, чисто непрофессионально, поскольку я только начинал: «Сколько ты считаешь нормальным, чтобы ты хорошо работал?». Я обнаружил, что есть люди, которые за пол-литра сделают все, что угодно, а есть те, кто и за 10 тыс. не сделают, все зависит от личного богатства. Я по неопытности ввел эту зависимость в модель, и обнаружил автоколебания. Потом мы видим эти автоколебания везде. Дальше я начал серьезно заниматься этим. Мы пришли к выводу, что ни ортодоксальный либерализм, ни ортодоксальная социализация никогда не приведут к успеху человечества, потому что действуют положительные обратные связи. Но положительная обратная связь в ортодоксальном либерализме известна, ее лечить можно тремя способами. Первый – делиться какими-то доходами. Второй способ в расширении зоны использования глобальных ресурсов для стран, успешных на линии по направлению ортодоксального либерализма, то есть вытеснять такие страны, как Россия, с глобальными ресурсами, и брать себе это дело. На самом деле, это единственное спасение, которое сейчас видят люди.

Еще есть два спасения. Первое – как китайцы предлагают, глобальное содружество. Второе – социализация.

Когда начали исследовать социализацию, то обнаружили, что в социализации есть губительная для социализации положительная обратная связь.

Против социализации ничего нельзя сказать. При одном неперемennom условии – если во главе социализированного общества стоят люди, которые не имеют никаких корыстных интересов, а только делают все ради интересов людей. Тогда все будет нормально. Но практика показывает, что укомплектовать органы власти такими людьми не получается. Возникает такая положительная обратная связь. Чем больше людей, руководствующихся корыстными интересами во власти, тем их становится больше.

Андронов, Хайкин, «Теория колебаний», 69 страница. Если есть обратная связь в системе и коэффициент положительной обратной связи больше единицы, то система обязательно выйдет на ограничения. Не нужно быть Нострадамусом.

Где здесь положительная обратная связь? Если люди имеют право распоряжаться общественным имуществом – а сейчас общественной собственностью и так далее, – назначать деньги за государственные услуги, и если еще не отвечают за конечный результат, то невозможно удержать эту систему от коррупционного разложения.

У меня есть книга «Системные проблемы борьбы с коррупцией». У меня в качестве подзаголовка стоит «Как бороться с коррупцией». Варим яйца всмятку час, варим два, а они все крутые. Так идет борьба с коррупцией.

Эта книжка выложена у меня в блоге на сайте «Политическое образование». Блог Кемера Норкина.

[00:50:43]

Если люди получают право распоряжаться имуществом, деньгами, национальным дивидендом, и ни за что не отвечают, то система обречена. Будут все время наращивать расхитительный потенциал, и это наращение губит систему, она не может долго существовать.

Что мы предложили? Ввести в систему управления специальный блок «Центр аналитического прогнозирования». Он в том, что мы определяем эффективность решений государственной власти, количественно, с помощью моделей. Мы сопоставляем рост качества жизни граждан благодаря конкретному решению, и теоретически каждое решение должно увеличивать качество жизни. С другой стороны, вред каждого решения Правительства. Каждое решение правительства наносит народу вред однозначно. Пользы может быть меньше, больше, но вред есть всегда. Это сбор налогов и другие вещи. Мы проработали систему, моделировали успешно. Есть много трудностей, например, качество жизни. Еще Сократ говорил 2,5 тыс. лет назад: «Каждый человек знает, что он хочет, но не каждый, что ему нужно». Если какое-то желание людей порождает нежелательные положительные обратные связи, то мы это желание не учитываем. Целая наука развита. Публикация есть в моем блоге, там запись, что «Новый курс для России – это профессиональный маневр между Сциллой алчности и Харибдой коррупции».

Если будет внедрен в систему такой блок, его публикации будут открыты, известны, там сосредоточится значительное число людей – а такие люди уже собираются, – то будет история, как я с Андрюшей Ларионовым... Он какое-то время работал в Институте Катона в США. Это частный институт, и он занимается примерно тем же самым – оценка стратегических последствий. Мне сказали, что Конгресс США не может принять закона, если он не прошел экспертизу в Институте Катона. Поверьте мне, что этот центр будет функционировать так, как у человека в голове функционируют некие стороны. Если человек хочет есть, он думает: «Я хочу есть. Сейчас поем, поем, поем». И думает: «У тебя пузо вырастет». И этот ЦАД будет строить систему, которая доказывает, что он найдет эту позитивную обратную связь. И какие перспективы? Если мы перейдем к такому состоянию, что зарабатываем деньги, частные люди зарабатывают деньги, только производя

добавленную стоимость (никакое не ВВП), и если в России будет достигнуто производство добавленной стоимости на одного работающего 50% того, что имеет место в США, то мы получим 3 трлн долларов ежегодного роста национального дивиденда. Читайте блог, там все это подробно.

Александр Воронов: Спасибо. Предлагаю перейти к первой части нашей дискуссии.

Олеся Качакова: Качакова Олеся Вячеславовна, кандидат экономических наук. У меня пять вопросов ко всем докладчикам.

Обозначьте, пожалуйста, концептуальные принципы, конституирующие аксиологический аспект проведенного вами исследования. Благодарю.

Владимир Круглов: Если жесткие рамки концептуального исследования, то можно кратко сказать, что в основу его были положены возможности адаптационного процесса по применению иностранных методов развития образования в совокупности с системой инновационного развития, которая сегодня имеет место быть у нас и на региональном, и на федеральном уровне. То есть с точки зрения системного, комплексного, процессуального и альтернативного анализа все это как бы имеет место в саморазвивающейся модели, и взаимодополнение для выработки единого вектора развития в инновационной политике и образовании.

Олеся Качакова: Система инновационного развития некоего идеального объекта, или предприятия промышленности, государства, территории, административно-территориального деления, региона, в зависимости от территории или экономического районирования, школы, университета, института?

Владимир Круглов: По своему научному профилю я региональщик, поэтому эмпирической базой, прежде всего, была выборка регионов России в составе порядка 37-38 субъектов федерации.

Олеся Качакова: То есть единицей исследования выступил регион?

Владимир Круглов: Да.

Олеся Качакова: И мы говорим об экономическом районировании, если бы в советской экономике использовали понятие?

Владимир Круглов: Можно так сказать.

[01:00:08]

Николай Бадудин: Николай Бадудин, воевал с господином Вексельбергом за нефтяную компанию «Нижневартовскнефтегаз», в 2010 году помогал ему как научный руководитель по вывозу в Силиконовую долину стартапов из России. Сейчас фактически бизнес-демон и занимаюсь инвестированием в инновации. 10 лет был в добровольной ссылке после написания диплома ВНХ.

Комментарий. Я совершенно не понял структурирования докладчиков. Любой круглый стол должен приводить к чему-то. Если просто высказать боль, то у нас боли много. Она никак не структурирована. Это вам маленький комментарий. Это не уровень обсуждения МГУ.

Второе. Инновации жутко конкретные. Совершенно не понял, почему наш немецкий коллега не продемонстрировала то, что достойно конкурса «Новая идея Минэнерго». Я с ними работаю. Я очень советую – отдайте вашу технологию туда на конкурс. Она ляжет Новаку на стол. Это практический совет.

Поймите, «Трипл Хеликс» – это шикарная концепция, но там measuring кэвнет [01:01:51], и его использовать в практической плоскости невозможно. Что вы про «Трипл Хеликс» рассказываете? Я Генри Ицковиц лично об этом четыре года талдычу.

Реплика: Площадка Московского университета предполагает интеллигентное отношение друг к другу. Поэтому давайте выслушаем гостей, те выступления, которые они подготовили, а потом, если останется время, мы с удовольствием услышим ваши комментарии.

Сергей Кочетков: Зовут меня Кочетков Сергей Вячеславович, доктор экономических наук. Здесь говорилось о системах образования, о формировании у слушателей экономического мышления и так далее. Затем было выяснено о социализации, ее влиянии. В рамках всех этих моментов все это очень интересно. Но в чем заключается научная проблема, при этом какова исследовательская задача, и где в этой исследовательской задаче место образованию в структуре народного хозяйства? Что такое народное хозяйство, и какой вклад образования или этой концепции будет в какой-либо объект? Есть образование, есть какая-то система. Ее вклад в это все?

Возможно ли сформулировать именно эту исследовательскую задачу на данном уровне? Бесспорно, советская система образования имеет и имела громадное преимущество, но в рамках Российской Федерации и нынешних реалий она будет несколько иной. В описательном характере, если сформулировать, как это будет выглядеть, какие будут преимущества?

Кемер Норкин: До тех пор, пока у нас в стране главным доходом будет проседание национального имущества и национального дивиденда, наука никому не нужна. Как только единственным источником частных доходов станет эксплуатация эффективного человеческого труда, немедленно начнется востребованность науки. Это однозначно. Но для того, чтобы это получилось, ни в коем случае не надо идти по старой дорожке, что надо выделить деньги на то, на се, и тогда все пойдет. В условиях безответственности не пойдет. А у нас в институте разработан так называемый метод открытого управления, заключающийся в том, что вы ставите потребителей и тех, кто расходует деньги, когда они вынуждены открыто говорить о себе.

[01:05:55]

Приведу пример. В Германии в Средние века был закон, что вы платите таможенную пошлину, равную 2% от цены перевозимого товара. А цену перевозимого товара кто называл? Кто перевозит. Но таможенник надеялся правом либо купить товар по той цене, которую назвал перевозчик, либо купить...

В институте эти методы очень развиты.

Говорили про приватизацию, что нужны какие-то меры к тем, кто несправедливо присвоил имущество. Как это оценить, как его наказать? Оценить очень просто. Точно также сказать, что «Ты должен платить налог бывшего имущества, равную его цене. А цену скажи сам». И все. Если он скажет маленькую цену, мы ему даем эти деньги и забираем это имущество себе. А если он скажет большую цену, то будет платить нам.

Ответственность за конечный результат и интенсивное внедрение прозрачности этих отходов.

Мой адрес knorkin@yandex.ru.

Александр Воронов: Переходим к заключительной стадии.

Следующий выступающий. Предлагается заслушать доклад Марины Андреевны Козловой, экономический факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. Тема «Стимул и влияние политики защиты прав интеллектуальной собственности на инновационную активность».

Марина Козлова: Здравствуйте, уважаемые коллеги. Актуальность темы не вызывает сомнений, поскольку интеллектуальная собственность развивается, и мы не можем без хорошей законодательной базы квалифицировать нарушение, как-то понять, что что-то нарушается, что-то идет не так. Поэтому были выделены объекты, как результаты

интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Также как предмет выступили методы государственной политики в области защиты интеллектуальной собственности.

Стоит начать обзор литературы, но в рамках ограниченного количества времени отмечу, что при усилении охраны в замкнутой экономике увеличивается рост злоупотреблений и повышаются издержки. Это обосновывается тем, что когда экономика замкнута, вводится несколько новых переменных.

Перейду к проблематике. Когда выстраивается баланс между мерами – политическими, юридическими, – необходимо рассматривать диспропорцию, в которой возникает дополнительная монопольная власть, выходящая за рамки правовой системы. По факту, если даже мы продаем права на интеллектуальную собственность, то у нас нельзя регламентировать это как основное, исключительное право на владение этим интеллектуальным ресурсом. Поэтому темпы научно-технического прогресса очень высоки. Экономическое и юридическое влияние отстает. Также тормозит то, что неразвитость законодательной базы влечет за собой размытость границ, которая не только квалифицируется как нарушение, но и как то, что возникают какие-то злоупотребления.

По факту мы выделяем косвенные и прямые факторы, влекущие за собой определенный род последствий.

[01:11:25]

Остановлюсь на стратегическом подходе. Так как наша страна занимает 124 позицию из 148 по глобальному отсчету показателя защиты интеллектуальной собственности, выделяю, что жесткие институциональные рамки, которые предусматриваются не только гражданским, уголовным законодательством, но и Законом «О защите конкуренции», хочу привести яркую 10-ю статью, которая рассматривает запрет на злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующего положения. По факту мы можем предусматривать то, что рост злоупотреблений может повести за собой.

Если мы ужесточаем требования к рынку, ужесточаем границы в покупке объектов интеллектуальной собственности, то мы можем заметить обратную регрессию, которая бы способствовала развитию политики и выявлению проблематики. Для того, чтобы развивать политические меры эффективно, нужно выделить те проблемные отрасли, в которых наибольший вред наносит то, что мы не можем купить или продать объекты интеллектуальной собственности не только по рыночной цене. Сейчас введены новые отраслевые стандарты, которые способствуют тому, что мы должны привлекать сторонних

оценщиков к объектам интеллектуальной собственности, к их оценке и дальнейшей продаже. И также выделить типы этих отношений. По факту не только договорная проблематика, но и та, которая несет последствия при нарушении, злоупотреблении этих прав. Это все идет к введению дополнительных институциональных рамок и ограничений.

На этом останавлиюсь, потому что разработка этих институциональных рамок – очень долгий процесс.

Александр Воронов: Следующий доклад. Предлагается выступить Ильину Андрею Борисовичу, доценту базовой кафедры управления экономической собственностью Российского экономического университета им. Плеханова. Тема доклада «Трансформация организационно-управленческих инноваций предпринимательских структур при коммерциализации бизнес-идей».

Андрей Ильин: Добрый день, уважаемые коллеги. Проблематика актуальна. Мой доклад связан с коммерциализацией, поскольку данной темой занимаюсь порядка 10 лет в различных аспектах: коммерциализация интеллектуальной собственности, бизнес-идей. Долго рассказывать об этом не буду. На моем сайте iland-education.com есть эта монография в формате PDF.

Вручаю монографию сегодняшней конференции и Марии Валерьевне.

[01:15:21]

Что можно сказать о коммерциализации? Самое главное – бизнес-идея. Если вернуться в 1990-е года, молодцы те, кто нашел эти фишки типа пластиковых окон, или операторы мобильной связи. По сути, это те предприниматели, которые сегодня добились всего, чего только можно. Самое главное – генерация бизнес-идей. Я как бизнес-тренер и предприниматель со студентами всегда генерирую эти бизнес-идеи. На мой взгляд, это самое важное, что необходимо развивать – в них предпринимательские, управленческие, инновационные компетенции и так далее.

Если перейти к практической составляющей, давайте поговорим про инновационную активность предприятий. Стандартный метод – коэффициент Тобина, экономико-статистический метод. Я решил взять пять компаний, вчера вечером посчитал коэффициент Тобина. «Норникель» – показатель 2,3, «Газпром» – 0,43, «Мегафон» – 1,28, «Роснефть» – 0,36, McDonald's – 3,8. Напомню, что если у нас коэффициент Тобина больше единицы, то мы можем говорить об инновационной активности предпринимательской структуры.

Видим различную градацию. Есть у нас госкорпорации, есть просто акционерные общества. Здесь есть к чему стремиться.

Это международный опыт. Мой новый объект исследования – формула № 1 как международная предпринимательская структура. Здесь я могу говорить бесконечно.

В 1970-х годах Берни Экклстоун, известный предприниматель, которому сейчас 86 лет, тоже понял, что автоспорт можно коммерциализировать, стал продавать телевизионные права, также привел спонсоров в этот спорт, и так далее.

Если вернуться к теме, которую заявил – трансформация организационно-управленческих инноваций, то в январе 2017 года здесь сменился собственник. Экклстоун спустя 40 лет покинул свой пост, и в настоящий момент новые акционеры, американцы Liberty Media, они решили первым делом разделить акции между командами, участниками данного спортивного соревнования.

У нас сегодня складывается такая ситуация, в том числе в хозяйствующих субъектах, на мезоуровне, макроуровне, когда у нас уже нет позиций ждунa, мы не можем ждать, и подобно болиду «Формулы-1» мы должны стремиться развивать все наши компетенции.

Два ключевых тезиса. Самое главное для устойчивого развития экономики – формирование профессиональных предпринимательских, управленческих и инновационных компетенций. Второе – формирование культуры, любой: корпоративной, отраслевой, организационной, инновационной, предпринимательской и так далее. Спасибо.

Александр Воронов: У нас остался заключительный доклад. Слово предоставляется Леонтьевой Лидии Сергеевне, профессору кафедры предпринимательства и логистики Российского экономического университета им. Плеханова, доктор экономических наук, профессор. Тема выступления «Кросс-культурные ресурсы инновационного развития регионов России».

Лидия Леонтьева: Поскольку темой нашего круглого стола является экономика знаний, то я как человек, занимающийся смежными областями – образование, инновации, организационная культура – хотела высказать несколько тезисов, которые на сегодняшний день тормозят развитие инноваций в России в целом. Мне кажется, мы очень часто находимся под влиянием некоторых западных идей, создания некоторых центров роста. У нас «Иннополис» под Казанью, «Сколково» в Подмосковье, практически загубленные наукограды советского образца. Мы строим новые инновационные центры, но не всегда поддерживаем старые, хотя есть Закон «О наукоградах». У нас возникает такая ситуация, когда на территории России мы стараемся взрастить некоторые центры. При этом, если

посмотрим портал «Инновации в России», то в регионах инновационные существуют не только технологические, но и организационно-экономические, маркетинговые, кадровые и так далее. Прирост этих инноваций по официальным данным Росстата составляет 3,5-4% в год. Что это значит? Ч Россия с точки зрения своего развития, своего регионального многообразия остается страной не инновационной, а традиционной. Эти центры, в которые государство вкладывает деньги, фактически никак не влияет на темпы инновационного роста России в целом.

[01:21:24]

Почему говорю о кросс-культурных ресурсах инновационного развития регионов? Возникает ситуация, при которой, взяв на вооружение англо-саксонскую систему инновационных центров – там же масштабы гораздо меньше стран, – мы фактически не обеспечиваем инновационный рост массовый и сплошной.

Был проведен анализ нашей научной школой еще в рамках Университета экономики, статистики и информатики, который перестал существовать, ведущий старый вуз попал под каток так называемых преобразований. Я считаю, что эта школа сохраняется, теперь уже в рамках экономического университета им. Плеханова. Была проведена очень большая работа, когда нам удалось выделить признаки инновационной культуры, которые характеризуют разные регионы России. Это уровень инновационной активности, инновационной готовности, уровень состояния интеллектуального капитала, уровень внедрения разработок. По этим показателям у нас регионы попали в четыре большие группы. Действительно, есть регионы-инноваторы, где благодаря как российскому законодательству по разного рода новым центрам, так и за счет усилий региональных властей удалось сохранить наукограды. Вторая категория – это категория регионов, которым удалось сохранить региональную науку. Надо сказать, что тенденция на формирование так называемых опорных региональных университетов – пока мы еще эти замеры не можем сделать, показывает, что уровень научной и инновационной активности в регионах снижается. Потому что при слиянии нескольких вузов в один регион не улучшается качество образования, снижается доступность к финансированию научных исследований. Если пойти по конкретным показателям, то через какое-то время мы получим снижение уровня инновационной активности и готовности в регионе.

На сегодняшний день фактически Россия стоит перед решением задачи передачи тех достижений, которые получены в этих центральных некоторых инновационных центрах, как «Сколково», казанский «Иннополис», такие разработки, которые сохраняются в Новосибирске, Томске, Подмосковье, передача их на коммерциализацию в другие

регионы, или в другие центры другим структурам. Получается, что вопрос коммерциализации и передачи тоже является некоторой культурой коммерциализации инноваций, которая является следующим достижением. И здесь наша задача как университетов – сделать все, чтобы экономические курсы и курсы по управлению инновациями были выстроены как курсы сугубо практические. То есть обучать наших студентов независимо от того, в каком вузе – это экономический, инженерный, мясомолочный, культура и так далее, – но учить технологии коммерциализации новых идей. К сожалению, такого курса в российских вузах на сегодняшний день, как обязательного, как организация предпринимательской деятельности, нет.

И когда мы говорим о том, что является основой развития экономики знаний, то мне кажется, что это не только формирование, но и передача, превращение их в простой продукт. По Адаму Смиту кто богатеет?

Мы занимаемся этим достаточно активно, и мне хотелось призвать нас всех начать разрабатывать специальный образовательный стандарт – его нет в России, – который бы назывался «Управление и коммерциализация интеллектуальной собственности». Спасибо.

Из зала: Система венчурных компаний как в России, так и в регионах, как работает?

Николай Бадулин: На этой неделе был венчурный форум партнеров «Российской венчурной компании». Совсем не в МГУ. Но это блеск и нищета куртизанок. Было сказано, причем на полном серьезе, что из 27 региональных венчурных фондов, которым Правительство в свое время дало, только фонд Татарстана хоть что-то отдал обратно. Все остальные – я знаю это по Томску, по Московскому областному – фактически ушли в маркетинг или в создание концепции инновационной реабилитации трупа под названием экономика знаний в России. Поймите правильно, до тех пор, пока мы будем теперь концепцию за концепцией, вместо, чтобы делать конкретные газгольдеры, оборонку, торговлю... Извините, коллега, вы рассказываете про форум **Л1** [01:27:47]. А вы магниты изучили или компанию «Мария-Ра», у которой 700 магазинов по всей Западной Сибири, и которая благодаря Алтайскому краю резко снижает себестоимость, и благодаря этому вышибает всех остальных конкурентов из торговых сетей? Про S7 все знают, кто отдыхал в Таиланде, но почему мы не изучаем наш российский опыт? Почему компания «Эвалар» у нас, не слезающая с «Первого канала», рекламирующая продукт, воспринимается так: «Непонятно, что они там делают». Это уникальный метод инновационного пробы правительственных редутов фармакологии, потому что там благодаря тому, что они на дженериках это делают, их Минздрав не может заблокировать, которому, естественно, фармацевтические корпорации Pfizer и отгребают такие деньги.

Если мы не будем изучать это сами и тиражировать этот успех, то так и будем разговаривать ни о чем. Извините, ради бога. Я инвестор, я человек очень конкретный.

Лидия Леонтьева: Ведь у нас сейчас стоит вопрос о том, что у нас практически университеты, образование не готовит тех специалистов целенаправленно, которые умели заниматься внедрением. Даже в инженерных вузах с учетом перехода на болонскую систему бакалавриат не дает такого инженерного образования. И мы наблюдаем, как, получив в бакалавриате четыре года инженерное образование, эти молодые люди уходят из инженерных профессий. А кто будет заниматься внедрениями? Это первое.

Второе. Вы назвали 27 региональных фондов. У нас институты поддержки инноваций, к сожалению, начинают работать как коммерческие структуры, работающие сами по себе. Так сложилось. Может быть, особенности российского способа, что любая госструктура или ГЧП начинает работать, прежде всего, на самого себя, а не на общество, которое заинтересовано во внедрении конкретных инноваций. Я с вами совершенно согласна. А кто будет это делать? Значит, надо менять подходы, подходе к рекламе, включать социальную рекламу.

Вы пользуетесь «Эвалар»? Распространяйте вокруг себя, и другие люди. Почему? Значит, что-то не так, и что-то в этом надо менять. Я считаю, что, прежде всего, надо менять сознание.

[01:30:42]

Из зала: Может быть, выход в государственно-частной поддержке, воспитании молодежи начиная от школы, школьного образования. И на Западе наблюдается отсутствие структурного технического образования. Есть отдельные специалисты, которые приезжают теперь из всех бывших социалистических стран, меня не исключая. Мы все даем свои знания, полученные в нашей системе, но эти отдельные специалисты никогда не создадут систему, которая у нас имелаась.

Галина Хохлова: Хохлова Галина Ивановна, московское Общество испытателей природы. Еще в стародавние советские времена, когда я работала в Институте металлургии, мы занимались проблемой внедрения, ведь это был один из главных показателей оценки научной работы. Поэтому это проблема давняя. Сейчас она называется новомодным словом «инноватика», в те времена это называлось внедрением.

Я сегодня слушала пленарные заседания, и там какая-то удручающая картина, как сказал Гринберг: «Скажите что-нибудь оптимистическое». Описываете ситуацию, и здесь чисто исследовательский подход. Ситуация такова. Спросишь: «Что делать?». Если брать такую

цепочку, когда получаем фундаментальное знание, и оно лежит отдельно, а потом приходит инженер, который берет это фундаментальное знание и его применяет. Такого инженерного подхода, я только у вас это услышала, что необходимо оснастить тех ребят, которых выпускают. Это было еще в те времена. Если человек изобретает что-то, в результате его работы получился какой-то результат, вполне приемлемый для промышленности. Вставал вопрос: то ли этот талантливый исследователь берет свою фишку и всю жизнь посвящает продвижению промышленности, и уходит на это жизнь, то ли эта часть, которая была... Помните легенду про Архимеда? Она состояла в том, что подарили царю золотую корону, а царь засомневался, золотая ли она. Он тогда дал Архимеду, говорит: «Разберись». И вот Архимед, как человек, владеющий фундаментальным знанием – а тогда уже были и удельные веса, и уже были эти знания», и он над этим, раздумывая... И когда он в ванную, эта история известна, и вот у него Эврика. То есть решение, как эти знания применить к решению практической задачи. Он корону помещает, вытесняет воду, взвешивает, определяет объем, и тем самым отвечает царю на вопрос, из золота она или нет. И этот момент эврики на сегодня за кем закреплен? То ли это должен делать исследователь, и посвятить жизнь продвижению своего результата, то ли в эту точку эврики придет профессионал. Сейчас настолько усложнилась деятельность продвижения и внедрения фундаментального результата в практику, что именно в этой точке нужны профессионалы, которые будут, с одной стороны, в контакте с исследователем, и с другой стороны, будут понимать, куда этот результат может пойти. Сейчас вроде говорят, что некуда, общая наука не нужна. Но так не может быть, все равно она нужна.

[01:35:11]

Как сказал известный нам лидер, кадры решают все. Поэтому, если будет создана профессия этих инноваторов – с одной стороны, надо всех обучить, оснастить всех знаниями, – с другой стороны, нужны профессионалы именно в этой точке – встрече фундаментальной науки с практикой. Если будет этот массив людей, которые будут понимать всю эту проблематику, если они объединятся и научатся выявлять свои проблемы, то сумеют все это продвинуть намного проще и легче. Поэтому эта школа по инноватике, эта идея должна быть, прийти именно в общественной науке, потому что если технари это как-то решают, то с общественными науками это труба. С высоких трибун говорят: «Мы советуем, говорим, а нас не слушают».

Александр Воронов: Спасибо большое за комментарии.

Московский университет – это в первую очередь образовательная организация, которая в рамках своей площадки должна позволить выступить не только видным ученым, докторам, кандидатам наук, но и начинающим молодым ученым, которые стартуют на своем пути либо преодолевают очередной этап своей научной деятельности. Мы не должны запрещать им выступать. Надеюсь, продолжим такую работу в дальнейшем.

Передаю слово профессору Кудиной Марианне Валерьевне. Пожалуйста.

Марианна Кудина: Уважаемые коллеги, хочу поблагодарить за то, что приехали, готовлюсь, прислали свои материалы. Надеемся, они будут опубликованы. Организаторы форума не мы, мы участники, как и вы. Наша инициатива была организовать такой круглый стол, поэтому мы вас пригласили.

Хотела заключить. Проблемы, которые вы обозначили, очень важны, и каждое явление, которое происходит в нашей жизни, имеет как положительную, так и отрицательную сторону. Информация бывает полезной или нет. Встал вопрос, ограничить ли доступ в интернет детям до 14. Серьезно обсуждается вопрос. Нужно повышать уровень образования, и специального. Новое оборудование, которое кто-то создаст, на нем должны работать профессионалы, специалисты. Возврат к профессиональному образованию. Безусловно, нужно двигать науку. Нужны специалисты, которые будут соединять науку и коммерциализацию идей.

У каждого явления есть позитивные и негативные моменты. Если мы с вами не изменим общий настрой в обществе, если будем не только критиковать, и если мы знаем, что есть отрицательный человеческий капитал, коррупционная составляющая, то давайте думать, как из этого выходить. Если не коммерциализируются идеи, не работают научные центры, или что-то происходит, и компания не пролезает на «Первый канал» – давайте искать в этом какой-то выход и позитив. Если мы наших детей не будем воспитывать в духе патриотизма, оптимизма, то ничего не получится. Что бы мы с вами ни делали, это будет некому воплотить.

[01:40:41]

Как-то на одном мероприятии спросили присутствующих: «В чем национальная идея, как считаете?». Часто ходят такие вопросы и разговоры, что нужно России, чтобы включиться в перезагрузку, на пороге которой стоит весь мир и мы. Предлагаю подумать. Скажу свою версию.

Даже Владимир Владимирович Путин сказал, что патриотизм.

А что скажут американцы? Что американская национальная идея. Французы тоже. Они все будут говорить слово «патриотизм». А мне кажется, что национальная идея России – это возврат общегуманитарных ценностей. Если не просто научно-технический прогресс, а культура научно-технического прогресса, культура инновационного развития, культура перезагрузки инновационной, если мы сможем не просто себе, но и передать нашим детям, тогда, возможно, они все наши идеи смогут воплотить в жизнь. А мы для этого и собираемся, чтобы выслушать друг друга, понять, где есть точки, над которыми надо работать, и пойдём обратно к себе в жизнь с оптимизмом и вдохновением.

Спасибо всем.

[01:42:42] [Конец записи.]